

Отчет о морскомъ балѣ,

устроенномъ 22 ноября 1897 г. въ залахъ Благороднаго собранія для увеличенія средствъ Черноморскаго морского благотворительнаго общества въ Одессѣ: а) выручено за проданные билеты 2 542 руб., б) пожертвовано сверхъ платы за билеты 490 руб. Итого 3.032 руб. Израсходовано 573 руб. 56 к. Чистой прибыли въ пользу общества осталось 2.458 р. 44 к. Предсѣдательница совѣта Черномор. благот. общества считаетъ приятнымъ долгомъ выразить глубокую сердечную благодарность распорядительницамъ, распорядителямъ, пожертвовавшимъ сверхъ платы за билеты, а также всѣмъ лицамъ, принимавшимъ участіе въ устройствѣ морского бала.

Предсѣдательница совѣта Е. Радлова.

ЗА ДЕНЬ.

Когда А. П. Чеховъ издалъ свой «Островъ Сахалинъ»,—въ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» появилось опроверженіе нѣкоего г. Ливина, бывшаго

сахалинскаго служащаго.

Въ этомъ «опроверженіи» г. Ливинъ протестовалъ противъ обвиненія въ жестокости и звѣрскомъ обращеніи съ арестантами и писалъ, что онъ добровольно оставилъ службу на Сахалинѣ, потому—что онъ врагъ тѣлесныхъ наказаній, человѣкъ гуманный и по мягкости натуры не въ силахъ былъ выносить ужасовъ, творящихся на каторгѣ.

На Сахалинѣ это письмо о гуманности г. Ливина привело всѣхъ въ веселое настроеніе, и, въ мою бытность на этомъ островѣ, повсюду, отъ Корсаковска до Александровска, гг. служащіе иначе не вспоминали о письмѣ г. Ливина, какъ со смѣхомъ.

Такой-же смѣхъ возбудить на Сахалинѣ, если оно дойдетъ туда, и «опроверженіе» бывшаго сахалинскаго служащаго г. Фельдмана.

Я зналъ заранѣе, что мнѣ придется выдержать немалую борьбу изъ-за моихъ очерковъ со взѣми этими господами, благодаря невѣжеству, неразвитію, грубости и подчасъ жестокости которыхъ Сахалинъ, изъ мѣстъ исправленія и нравственнаго возрожденія преступниковъ,—къ чему стремится правительство и на что тратитъ милліоны,—превращается въ кромѣшный адъ, гдѣ гибнетъ и послѣднее, что было въ человѣкѣ хорошаго.

Я былъ заранѣе готовъ къ тому, что эти затронутые мною господа ни передъ чѣмъ не остановятся, отъ лжи до доно-

совъ включительно.

И потому письмо г. Фельдмана меня ничуть не удивило.

Г. Фельдманъ, бывшій смотритель Дульской тюрьмы, мелькомъ упомянутый въ моихъ фельетонахъ, по его словамъ, написалъ на меня «донесеніе».

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. На то онъ и г. Фельдманъ, «старый сахалинец». Это совершенно въ сахалинскихъ нравахъ, и г. Чеховъ, бывшій на Сахалинѣ приблизительно въ фельдмановскія времена, много говоритъ о страсти сахалинцевъ къ «донесеніямъ» и приводитъ даже образчики доносовъ, какъ простыхъ, такъ и «телеграфныхъ»^{*)}.

«Новороссійскій Телеграфъ», «донесеніе» г. Фельдмана напечаталъ на своихъ страницахъ. Въ этомъ тоже нѣтъ ничего удивительнаго. На то онъ и «Новороссійскій Телеграфъ»,—органъ, создавшій изъ доносовъ цѣлую систему. Онъ уже не въ первый разъ печатаетъ доносы, и лица, желающія убѣдиться въ этомъ, могутъ прочесть въ № 7228 «Новороссійскаго Телеграфа», отъ 25 августа этого года, тоже доносъ на меня.

Въ четыре мѣсяца напечатано два «донесенія». Это ужъ цѣлая система доносовъ. —И было-бы даже странно, если-бы «Новороссійскій Телеграфъ» не напечаталъ «донесеніе», разъ къ этому представляется случай.

Но и къ доносителямъ,—какъ это ни странно,—предъявляются извѣстныя нравственныя требованія.

Требуется, чтобъ «донесеніе» было правильно.

А донесеніе г. Фельдмана, напечатанное въ «Новороссійскомъ Лекопѣ», кромѣ того, что оно «донесеніе», еще и ложное донесеніе.

^{*)} См. А. П. Чехова «Островъ Сахалинъ» стр. 33.

Г. Фельдманъ говоритъ, что, понеся на Сахалинѣ много потерь, онъ «всѣмъ силами души, насколько это возможно при такихъ жестокихъ нравственныхъ страданіяхъ, старался заглушить въ своемъ сердцѣ всякія воспоминанія объ этой несчастной жизни на Сахалинѣ».

Онъ «старался заглушить», и это ничуть не мѣшало ему въ теченіе 1893-го года печатать въ «Одесскомъ Листкѣ» цѣлый рядъ фельетоновъ о Сахалинѣ и получать за это гонораръ.

Очевидно, гонораръ нѣсколько смягчалъ вопль истерзаннаго сердца г. Фельдмана.

Обратимся къ его описаніямъ.

Въ своемъ «дописаніи» г. Фельдманъ доноситъ, что:

— «Жизнь каторжныхъ Дорошечичъ, представляетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и въ какомъ-то ужасно невозможномъ состояніи».

Въ какихъ-же розовыхъ краскахъ описывалъ самъ г. Фельдманъ ту-же жизнь каторжныхъ?

Рѣчь идетъ о бѣглыхъ, которыхъ ловилъ г. Фельдманъ.

— «Подвигаясь уже по сахалинскому пути обратно,—пишетъ онъ,—я, на одномъ изъ кордоновъ Трамбоусъ, засталъ бѣглаго арестанта, сидѣвшаго надъ чашкой холодной воды, превращенной въ кровь. Къ глазамъ прикладывали ему холодные компрессы. Оказалось что онъ пошелъ бродяжить выѣстѣ съ товарищемъ Щаповымъ. Сначала провизія находилась у нихъ обоихъ, но когда хлѣба осталось нѣсколько фунтовъ, то Щаповъ забралъ хлѣбъ себѣ и по кусочку каждый день давалъ. Когда послѣдній обратился съ просьбой дать ему хотя-бы крошку хлѣба, то Щаповъ вцѣпилъ ему пальцами въ лицо, выпарапалъ несчастному глаза и въ этомъ ужасномъ положеніи бросилъ его. Послѣдній кое-какъ ошупью добрался до кордона, гдѣ ему была подана первая медицинская помощь. Впослѣдствіи оказалось, что одинъ глазъ у него со-

вершенно вытекъ, а другой остался цѣль»).

Одинъ изъ задержанныхъ г. Фельдманомъ бѣжавшихъ арестантовъ «много сутокъ ничего не ѣлъ, а питался исключительно снѣгомъ»***).

— «Другой,—пишетъ г. Фельдманъ,—показалъ мнѣ свои кожаные рукавицы, отъ которыхъ остались одни пальцы, а остальная кожа была съѣдена»***).

— «Въ случаѣ голода,—по словамъ г. Фельдмана,—имъ (бѣжавшимъ изъ тюрьмы) приходится иногда довольствоваться древесными корнями и словыми шашками, которыя бродяги варятъ и посыпаютъ солью, придающей, по ихъ словамъ, этой пищѣ нѣкоторый вкусъ»***).

Хороша-же, значитъ, была «въ Фельдмановскія» времена, жизнь каторжныхъ если они бѣжали отъ нея даже на такіе ужасы?! Хороша была жизнь, если сіе предпочитали голодную смерть! Хороши были хлѣбъ и «баланда», которые ѣдали на отварѣ изъ словыхъ шашекъ и на кожу отъ рукавицъ!

Прослѣдимъ дальше.

— «Принимая во вниманіе,—пишетъ г. Фельдманъ,—что производимыя ими (каторжными) работы совершенно одинаковы съ работами, производимыми внутри государства всѣми свободными людьми,—естественно было-бы думать, что у арестантовъ нѣтъ особенной надобности въ увѣчьяхъ для уклоненія отъ работы. Въ дѣйствительности происходитъ масса умышленныхъ увѣчій, лишь-бы какъ-нибудь попасть въ богадѣльню или въ рядъ неспособныхъ къ труду. Увѣчья втрѣчаются большей частью самыя обыкновенныя, заключающіяся въ умышленномъ отмораживаніи ногъ, въ нанесеніи себѣ ранъ топоромъ и другими орудіями; но бываютъ случаи, поражающіе своею рѣшимостью и звѣрствомъ. Такъ, напр., лѣтомъ 1890 года, одинъ изъ арестантовъ, работавшій на пристани въ Александровскѣ по выгрузкѣ стоявшаго на рейдѣ парохода, въ присутствіи всѣхъ рабочихъ и начальства отрубилъ острымъ топоромъ всю лѣвую кисть руки. Другой случай еще поразительнѣе: въ

томъ же году зимою арестантъ Александровской тюрьмы, взявъ въ общей камерѣ топоръ, отправился за казармы и тамъ сталъ наносить себѣ удары по лѣвой рукѣ, желая также отрубить кисть. Къ его несчастью, топоръ былъ очень тупой, почему только послѣ нѣсколькихъ ударовъ въ разныя мѣста онъ отрубилъ кисть, которая, тѣмъ не менѣе, еще держалась на кожѣ руки" ****).

Чѣмъ объяснить такіе факты? Лѣнью?

Всякій человѣкъ, у котораго есть въ головѣ хоть капля здраваго смысла, конечно, расхохочется надъ такимъ объясненіемъ.

Отъ лѣни люди выдумываютъ болѣзни, притворяются, наносятъ себѣ незначительныя поврежденія,—въ родѣ часто практикующагося и теперь въ каторгѣ легкаго ожога руки горячимъ печенымъ картофелемъ,—но чтобы люди, только изъ нежеланія исполнять „обыкновенныя работы, какія внутри государства исполняются всѣми свободными людьми“, рубили себѣ руки, да еще тупымъ топоромъ,—это больше, чѣмъ курамъ на смѣхъ.

Можете судить, какія это были работы, отъ которыхъ люди „уклонялись“ такимъ способомъ, какъ непосильны были эти „уроки“, задававшіеся тогда каторжанамъ, и какія наказанія „въ фельдмановскія времена“ ждали невыполнившаго урокъ, если люди предпочитали „отгериѣться разъ на всегда“ и рубили себѣ руки тупыми топорами?!

Не даромъ г. Фельдманъ, описывая свое воспоминаніе о Сахалинѣ, восклицаетъ, на основаніи, вѣроятно, опыта:

— „Нѣтъ животнаго, способнаго на такія страданія и лишенія, ва какія способны нѣкоторые арестанты: *****).

Вѣдь не голословно-же онъ утверждаетъ это,—вѣроятно, убѣдился на собственномъ опытѣ!

Не даромъ „въ фельдмановскія времена“ каторжане говорили ему:

— „Надоѣлъ Сакалинъ, *высосалъ послѣднія силы*, хочу умереть на свободѣ *****).

Каковы были работы, отъ которыхъ люди рубили себѣ топорами руки,—и какъ „въ фельдмановскія времена“ заботились о каторжныхъ,—показываетъ слѣдующее мѣсто изъ воспоминаній г. Фельдмана.

Онъ былъ смотрителемъ Дуйской тюрьмы, арестанты которой работаютъ въ рудникахъ.

— „Тюремное начальство (т. е. въ данномъ случаѣ, онъ самъ),—по признанію г. Фельдмана, — лишь наблюдало, чтобы арестанты исполняли уроки, вели себя хорошо и чтобы со стороны уполномоченныхъ общества „Сахалинъ“ назначались урочныя работы, смотря по силамъ cadaго (а дальше въ томъ же фельетонѣ г. Фельдманъ пишетъ, что провѣрять количество заданнаго урока почему-то *невозможно* *****).

А какъ, въ какой обстановкѣ приходилось работать несчастнымъ каторжанамъ, за этимъ „тюремное начальство“, т. е. г. Фельдманъ, „не наблюдалъ“.

И вотъ:

— „Во время работы упала съ крыши каменная глыба пудовъ въ 500 вѣсомъ, и одного рабочаго совершенно раздавила,

*) № 192 „О. Л.“ 26 июля 1893 г.

**) № 192 „О. Л.“ 26 июля 1893 г.

***) № 192 „О. Л.“ 26 июля 1893 г.

****) № 189 „О. Л.“ 22 июля 93 г.

*****) См. № 167 „О. Л.“ 26 июля 1893 г.

*****) См. № 171 „О. Л.“ 3 июля 98 г.

*****) № 249 „О. Л.“ 27 сент. 98 г.

и другой успѣлъ отскочить, но тоже былъ придавленъ и получилъ увѣчье. Мнѣ по службѣ,—пишетъ г. Фельдманъ,—пришлось пробраться къ мѣсту катастрофы. Не говоря объ опасности, которой я тамъ подвергался, такъ какъ работы производились по совершенной оцѣнкѣ пласта, т. е. когда вынимаются угольные столбы, оставляемые на всемъ пространствѣ выработанныхъ пластовъ, на которыхъ держится вся тяжесть верхняго слоя скалы,—признаюсь, что это разстояніе казалось мнѣ нескончаемымъ. Трудно передать, что приходилось испытывать когда я совершалъ этотъ путь: и кубаремъ лѣзть, и на колѣняхъ ползаль, и десятки разъ падалъ *).

А вѣдь въ такомъ рудникѣ, куда г. Фельдманъ одинъ разъ заползъ съ такимъ ужасомъ, приходилось работать ежедневно съ утра до ночи сотнямъ людей. Сотнямъ людей, жизнь и безопасность которыхъ ввѣрены были „гуманному“ г. Фельдману. Изъ преступной экономіи акціонерное общество, которому принадлежитъ рудникъ, не укрѣпляло достаточно подпорами потолокъ рудника, и сотни людей съ утра до ночи сидѣли тамъ, подъ ежеминутнымъ страхомъ быть раздавленными обрушившимся потолкомъ.

А тѣ, кто долженъ слѣдить за ихъ безопасностью, кто отвѣчаетъ за ихъ жизнь, кто можетъ и долженъ отстоять интересы безправныхъ людей,—тѣ „наблюдали“ только за ихъ хорошимъ поведеніемъ.

Они не интересовались даже взглянуть, при какихъ условіяхъ работаютъ ввѣренные имъ люди и заглядывали въ рудникъ „по долгу службы“ только тогда, когда случится обвалъ и задавить человѣка!

Быть можетъ, еслибъ и самого г-на Фельдмана заставить съ утра до ночи сидѣть въ томъ самомъ лишенномъ под-

поръ рудникѣ, въ которомъ онъ въ полчаса переиспыталъ столько ужасовъ, еслибъ его самого заставлять исполнять работы, количество которыхъ усчитать „невозможно“, если-бы за неисполненіе этого урока грозили „лозы“ и „маны“, —можетъ быть, и самъ г. Фельдманъ предпочелъ-бы „звѣрски“ отрубить себѣ руку хоть тупымъ топоромъ, чѣмъ нести такую муку!

Я Всеводской тюрьмы, которой также завѣдывалъ г. Фельдманъ, уже не видѣлъ. Она теперь уже скрыта до основанія, и объ ней живы только страшныя воспоминанія.

Но А. П. Чеховъ видѣлъ эту тюрьму сейчасъ-же вслѣдъ за смотрительствомъ г. Фельдмана и описываетъ ее, какъ ужаснѣйшую изъ сахалинскихъ тюремъ. Каждый разъ, какъ онъ упоминаетъ о ней, въ своей книгѣ, онъ упоминаетъ не иначе, какъ съ эпитетомъ:

— «Смрашная воеводская тюрьма»!

Такова была тюрьма, которой завѣдывалъ «гуманный» г. Фельдманъ.

Такова была жизнь каторжанъ „въ Фельдмановскія времена“.

Каторга дѣлала что хотѣла: въ каторгѣ не было понятія о правѣ и справедливости.

Въ „страшныхъ“ тюрьмахъ царилъ самосудъ:

— „Каторжане безнаказанно творятъ судъ и расправу!“ — жалуется г. Фельдманъ **).

— „Добрыхъ три четверти убійствъ остаются не только безнаказанными, но даже неизвѣстными!“ — пишетъ г. Фельдманъ ***).

— „Фискальство наказываются смертью, (...)

*) № 167 „О. Л.“ 28 іюля 98 г.

**) № 171 „О. Л.“ 3 іюля 1893 г.

***) № 189 „О. Л.“ 22 іюля 1893 г.